

— Поцелуемся?

Есть вещи, которые позволительны детям или старикам, но совершенно недопустимы для взрослого, на вид вполне здорового человека. Если бы кто-то увидел их сейчас, поползли бы отвратительные слухи — по уровню шока это было бы сравнимо с тем, как если бы блистательная дочь богача разгуливала по улице в чем мать родила.

Син Юэ терпеть не могла Бу Яо, но не настолько, чтобы желать ей публичного позора. Еще много лет назад, как бы сильно они ни ссорились, она всегда прикрывала ее, если подобное случалось на людях.

Сейчас это была чистая рефлексия. Син Юэ не признавалась себе, что попала в сети Бу Яо. Она сидела у окна, отвернувшись к пейзажу, стараясь держаться как можно дальше.

Видимо, этого было недостаточно, и она пнула ногой соседний хвост.

К несчастью, места в машине было преступно мало. Даже с учетом пустующего сиденья между ними, змеиный хвост, свернутый в два кольца, все равно наваливался на нее. Та часть, которую она пнула, несколько секунд висела в воздухе, а затем медленно опустилась обратно, нагло растянувшись на ее бедре — тяжелая, невозможно тяжелая.

Хвост у Бу Яо был красивый: упругий, мягкий, с великолепным блеском и невероятно чувствительный. Крошечные чешуйки, ползая по ноге, заставляли кожу покрываться мурашками. В полумраке салона хвост казался еще более завораживающим.

— Ты мазью воспользовалась? — спросила она, внезапно вспомнив об аллергии Бу Яо.

Теперь Син Юэ не нужно было ее прогонять: та сама мечтала спрятать свой хвост.

Син Юэ усмехнулась:

— А если я не разрешу войти?

Она задала вопрос машинально, продолжая поглаживать змеиный хвост. У большинства змей чешуя холодная и гладкая, но огненные змеи были уникальны: их чешуя обладала матовой текстурой и была горячее на ощупь.

Хвост был слишком чувствительным — от каждого прикосновения он вздрагивал, и уже через пару секунд ладонь Син Юэ стала горячее и покраснела. Она крепче сжала хвост, резко усилив хватку, когда тот снова дернулся.

Только сама Бу Яо знала, почему хвост показался наружу... От этой мысли ее лицо вспыхнуло еще сильнее. Ей и так было стыдно, что она не может контролировать свою натуру, а тут еще

Син Юэ дразнила ее хвостом — говорить она уже не могла.

Вспомнив прошлое, Син Юэ снова ощутила прилив недовольства. Глядя на женщину, которая вышла из машины и уже стояла у ее порога, она остановилась.

Син Юэ никогда не жаловалась. Она знала, что зарабатывает больше обычного офисного клерка, но семья Бу постоянно ее принижала, и в их глазах ее доходы выглядели как подаяние нищего.

Бу Яо достала из черной бархатной сумочки пакетик с ватными палочками, порошком и мазью — все, что выписали в больнице.

Син Юэ закусила губу так сильно, что едва не до крови, но не смогла вымолвить ни слова отказа. Проклятое чувство долга!

Машина ехала довольно долго, прежде чем добралась до жилого комплекса, где жила Син Юэ. Денег у нее было немного: купленный коттедж находился не в центре. За те же деньги в центре города можно было взять лишь пятидесятиметровую конуру.

Бу Яо, немного придя в себя, ступала на изящных каблуках. Она повернула голову и кивнула.

— Не надо... — она обняла свой хвост, понемногу подтягивая его обратно, убирая с бедра Син Юэ. Голос ее был едва слышен. — Не делай так.

Она забилась в угол у двери, крепко обхватив хвост руками, и прижалась к нему лбом, пытаясь унять сбивчивое дыхание и спрятать пылающие щеки.

— Ты тоже собираешься войти? — неуверенно спросила Син Юэ.

Бу Яо сунула ей в руку пакетик с лекарствами. Иногда молчание красноречивее слов.

— Ты не могла сказать мне, что у тебя аллергия на латекс? — ворчала Син Юэ, открывая дверь.
— Вечно ты меня подставляешь.

Если бы она не пустила ее, Бу Яо вряд ли смогла бы что-то сделать.

В пригороде можно было купить двухэтажный коттедж, но небольшой: две комнаты, гостиная, кухня и гараж.

Разве они не договаривались, что она просто встретит ее после работы? Почему Бу Яо поехала следом? А дворецкий Ли, нажав на газ, просто бросил ее на произвол судьбы вместе с этой

женщиной.

На первом этаже — гостиная, кухня и гараж, на втором — спальня, студия звукозаписи и холл. Места под гостевую или кабинет не было — это был предел ее возможностей, ведь даже на этот дом ушли почти все сбережения.

Бу Яо следовала за Син Юэ, разулась в прихожей и оглядывалась по сторонам, изучая обстановку:

— Почему я должна была заранее знать, что нельзя использовать пальчики?

Очевидно, что об аллергии на латекс узнаешь только после первого применения. Кто же может знать это заранее?

Этот встречный вопрос заставил Син Юэ замереть. После развода у нее были девушки, и она наивно полагала, что у Бу Яо тоже кто-то был. В конце концов, прошло десять лет — неужели Бу Яо ни с кем не встречалась?

Осознав это, Син Юэ не захотела углубляться в тему. Бросив ключи на тумбочку, она отправилась к холодильнику за ледяной водой.

Бу Яо, запоздало осознав что-то, проследовала за ней на кухню, не сводя с нее глаз:

— Син Юэ, после развода у тебя были другие девушки?

В гостиной горел свет, но на кухне было темно, лишь тусклое желтое освещение лилось из недр холодильника. Она отчетливо видела, как Син Юэ держит в руках изогнутый стеклянный стакан со льдом. Когда она запрокинула голову, чтобы сделать глоток, ее шея соблазнительно двигалась, а безупречные черты лица выглядели притягательно даже в профиль.

В облике Син Юэ было что-то от замужней женщины, что казалось запретным и невероятно манящим.

— А как ты думаешь? — не стала отвечать прямо Син Юэ.

Это было равносильно ответу. Бу Яо все поняла. Внутри нее словно вспыхнуло пламя, она судорожно вздохнула, грудь ее тяжело вздымалась, а глаза подернулись дымкой.

— Какой она была? — спросила Бу Яо, и в ее голосе прозвучало неожиданное спокойствие.

Син Юэ не хотела продолжать этот разговор и небрежно бросила:

— Хорошей.

— Почему расстались? — не унималась Бу Яо.

Син Юэ оставалась равнодушной:

— Я оказалась недостаточно хороша.

Она была хороша, я — нет.

Хотя Син Юэ старалась как можно меньше говорить о другой женщине, ограничившись парой фраз, она знала, что Бу Яо сейчас устроит сцену. По ее натуре, как она могла допустить, чтобы Син Юэ думала о ком-то другом? Это было преступление, за которое следовало убить.

Она ждала целую вечность, допила ледяную воду, но взрыва не последовало.

Син Юэ захлопнула дверцу холодильника. Она прислонилась к нему, наблюдая за Бу Яо в полумраке. В доме стояла пугающая тишина, воздух будто застыл, и она отчетливо слышала, как от гнева участилось дыхание Бу Яо.

Она была уверена, что та в ярости, но почему она не кричит — было загадкой.

Бу Яо, босая, не сводила с нее глаз. Не зная, что и думать, она внезапно шагнула вперед и схватила Син Юэ за воротник рубашки:

— А что ты ей обо мне говорила? Что я деспотичная, своенравная, что мы поженились и развелись на бегу, что я никогда тебя не любила?

Для Син Юэ эти вопросы были детским садом. В восемнадцать лет — еще куда ни шло, но в двадцать восемь... это было слишком по-девчачьи. Однако, глядя на ее лицо — глаза краснее, чем у кролика, вот-вот заплачет, но при этом пытается злиться, — она не смогла рассмеяться.

— Нет, конечно... — Син Юэ покачала головой. Она ругала Бу Яо только перед лучшей подругой, но никогда — перед другими людьми, семьей или коллегами. — Я говорила, что старшая мисс Бу очень красива, из тех, в кого влюбляешься с первого взгляда.

В свое время она согласилась на брак с ней именно из-за ее внешности. Других достоинств она назвать не могла, но и плохого не говорила.

Правда это была или нет, но Бу Яо почувствовала облегчение. У нее больше не было права ревновать или требовать, чтобы Син Юэ хранила ей верность.

Это чувство было невыносимым.

— Правда? — переспросила Бу Яо. Она отпустила Син Юэ, подняла голову к потолку и часто-часто заморгала.

Син Юэ не нравилась эта ситуация, она давила на нее. Она даже не хотела, чтобы Бу Яо плакала в ее доме:

— Не смей плакать. Терпеть не могу, когда женщины плачут.

Особенно та, что унижала ее и топтала ее достоинство.

Но еще больше ее охватила беспричинная паника. Бу Яо вела себя слишком странно. На мгновение ей даже показалось, что с той, десятилетней Бу Яо было проще: она хотя бы прямо говорила, чего хочет, а не вела себя так, как сейчас.

Син Юэ ничего не понимала.

Как только эта мысль промелькнула у нее в голове, она мысленно выругалась. Какая же она жалкая — скучать по той, что заставляла ее завязывать себе шнурки?

Лучше бы она промолчала. От этих слов Бу Яо стало еще больнее. Она выбежала из кухни, обежала первый этаж, не нашла спальню, взлетела на второй, влетела в ванную, захлопнула дверь и, опустившись на пол, разрыдалась.

Это внезапное представление вывело Син Юэ из себя. Что это значит? Словно она сделала что-то ужасное!

Она лежала на диване, обхватив голову руками. В памяти всплыл далекий голос:

— Заткнись! Хватит реветь, я сказала — прекрати! Ах... не кричи! Не смей плакать!

Син Юэ резко села, ее тело мелко дрожало, губы побледнели, а конечности стали ледяными.

Она поднялась и направилась к ванной. Не успела она постучать, как дверь открылась, и Бу Яо бросилась к ней, крепко обнимая.

Одного этого объятия хватило, чтобы спесь избалованной барышни рассыпалась в прах.

— Я уже не молода... — Син Юэ облизнула губы. Она не ответила на объятие, но и не оттолкнула ее. — Возможно, у меня не хватает терпения на тебя. Не бери в голову то, что я сказала.

Дело было не в слезах, а в том, что она не могла разгадать желания Бу Яо, и это ее раздражало.

Син Юэ разрывалась. Ей не нравилось, как они общались раньше, но и то, что Бу Яо теперь терпела больше, чем она сама, ей тоже было не по душе.

Гордый лебедь склонил голову, но это не принесло ей радости победителя. В сердце кольнуло — сначала едва заметно, но с каждой секундой боль становилась все острее, словно от множества игл, и казалось, что скоро даже от дуновения ветра станет больно.

Бу Яо подняла на нее глаза, ее ресницы все еще были влажными:

— Поцелуемся?

Мягкий раздвоенный язык, бесшумно и обжигаяще, нежно лизнул Син Юэ в подбородок.

Син Юэ мягко отказала:

— Мне завтра на работу.

Бу Яо прижалась к ней, делясь своим теплом, и кокетливо прошептала:

— Это просто змеиный поцелуй, мы же ничего такого не делаем.

<http://bllate.org/book/21419/2187315>